№ 6. ИЗД. ГОДЪ IX.

Годъ съ пересылкой и доставкой. . 7 р. — к.
Шесть мѣс. съ перес. и достав. . 4 » — »
Годъ безъ пересылки и доставки. . 6 » — »
Цѣна отдѣльнаго номера 20 коп.

ШУТЪ

7 ФЕВРАЛЯ 1887 г. № 6

Пріемъ объявленій по 25 коп. за строку нонпарели въ одинъ столбецъ.
Адресъ редакціи и конторы: Невскій пр., № 110.
Личныя объясненія съ редакторомъ по субботамъ, отъ 11 до 1 ч. пополудни.
Возвращеніе рукописей не обязательно.

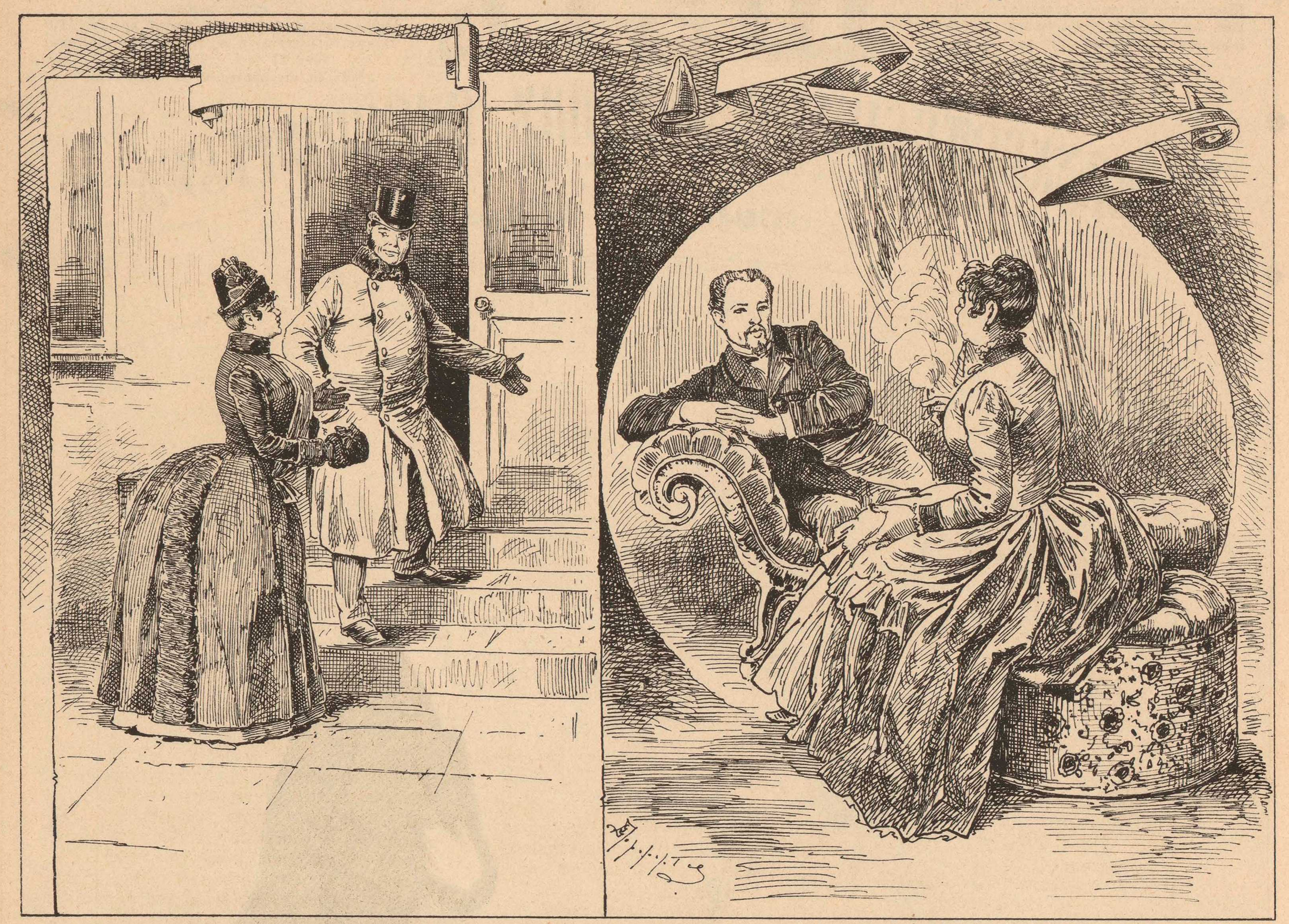
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ КАРРИКАТУРЪ

ОПОЗДАЛЪ.—Рис. Н. БОГДАНОВА.

— Елена Павловна!.. Я готовъ отдать за васъ полжизни!..
— Полноте, Иванъ Карловичъ!.. Гдѣ же у васъ эта половина, когда вы уже отжили всю жизнь?

ОКОЛО МАГАЗИНА

НОВАЯ ФОРМА КРЕДИТА.

— Зайдемъ, Манечка,—сочиненія Пушкина 1 р. 50 коп. 10 томовъ. Вѣдь это по 15 к. за томъ.

— Воображаю: хорошо должно быть сочиненіе, если его продаютъ по 15 к. за томъ!

— Ну, какъ, Анна Ивановна, ваша акушерская практика?..

— Довольно плохо; паціентокъ много, но народъ бѣдный, потому все больше и рожаютъ на книжку.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „ШУТА".

Шуты и дѣти часто говорятъ правду.
Шекспиръ.

И на политическомъ горизонтѣ также происходитъ такой кавардакъ, такой сумбуръ, что не разберетъ и самъ квартальный.

Сегодня такъ, завтра иначе. Сегодня извѣстіе сообщается, завтра подтверждается, а послѣзавтра опровергается.

При такой неопредѣленности—раздолье только газетнымъ передовикамъ, такъ какъ они имѣютъ возможность строить самыя смѣлыя гипотезы и серьезно разсуждать о томъ, что было бы, еслибъ ничего не было, какова была бы всеобщая война, если бы всѣ державы позаключали между собою мирный договоръ, и прочее въ такомъ же родѣ.

Болѣе достовѣрно только одно: всѣ державы усиленно вооружаются и еще того усиленнѣе увѣряютъ другъ дружку въ неизмѣнномъ своемъ миролюбіи.

Но, разумѣется, дипломатическія увѣренія только для того и даются, чтобы имъ никто не вѣрилъ.

Свѣдѣнія сообщаются то тревожныя (столкновеніе неизбѣжно), то успокоительныя (недоразумѣнія вполнѣ устранены) и политическій барометръ—деньги—прыгаетъ по курсовой табличкѣ не хуже брошеннаго объ полъ мячика.

Денежные люди кряхтятъ, а досужіе бѣдняки подводятъ статистическія цифры потерь.

Такъ уже выяснено, что міръ потерялъ на курсѣ въ первой половинѣ января текущаго года 250 милліардовъ франковъ $3^1/_4$ сантима отъ одного многозначительнаго покрякиванія желѣзнаго канцлера, которое было принято за предвѣстіе грозы.

Теперь замолкли немного (можетъ быть, дня на два?) толки о столкновеніи между Франціей и Германіей и дипломаты снова занялись болгарскимъ вопросомъ, ожидая рѣшенія его... откуда бы вы думали?.. изъ Константинополя!!..

Да-съ! *Больной человѣкъ* принужденъ будетъ заботиться о другихъ и излѣчивать чужія болѣзни!

А можетъ-быть онъ, въ простотѣ душевной, и посовѣтуетъ что-либо хорошее, если только не станетъ принимать англійскихъ порошковъ и микстуръ.

***

Какъ ни какъ, но прошли пушкинскіе дни, дни посвященные чествованію памяти великаго поэта.

Всякій молодецъ желалъ ввести свой образецъ для чествованія, обязательный для прочихъ; подъ конецъ образовалось два лагеря, изъ которыхъ одинъ устроилъ торжество съ обѣдомъ, а другой обѣдать не желалъ. Лагери взаимно облаяли другъ дружку въ газетахъ (это называется—чествованіе памяти!) и затихли. Къ 30 января появились во многихъ изданіяхъ сочиненія Пушкина; дешевое изданіе г. Суворина было расхватано въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени" публикою чуть не въ полчаса, съ криками, дракою и погромомъ магазина: книги растаптывали и рвали, мебель поломали, конторскую стойку вверхъ дномъ перевернули...

„Новое Время" хотя и пострадало въ матеріальномъ отношеніи, однако съ радостью отмѣтило эту черту подъема народнаго духа.

Оппоненты его ехидно ухмыльнулись и заявили, что опрокидываніе столовъ и стульевъ доказываетъ не подъемъ духа, а лишь стремленіе къ дешевой покупкѣ.

Отчасти это такъ, но не надо забывать, что произведенія многихъ великихъ писателей нашихъ дней, всякихъ Сидоровыхъ, Карповыхъ и Ивановыхъ нерѣдко продаются на улицахъ газетчиками съ соблазнительными криками—„Полное собраніе сочиненій NN. За гривенникъ вмѣсто 2 рублей". Однакоже публика на такую дешевку не набрасывается, ногъ газетчикамъ не ломаетъ и самихъ ихъ вверхъ дномъ не опрокидываетъ.

***

Балы, балы и балы безъ конца!

Балы и въ частныхъ домахъ, и въ клубахъ, и въ наемныхъ залахъ. Балы обычные и экстраординарные. Просто балы и балы съ благотворительною цѣлію!. Фу, просто голова кругомъ идетъ у всякаго обывателя, принадлежащаго къ такъ называемому „tout Pétersbourg".

Всѣ колоніи Петербурга устраивали вечера: и французскіе колонисты, и польскіе, и нѣмецкіе, и швейцарскіе—всѣ звали къ себѣ; петербуржцы не отказывались, пили шампанское съ французами, пиво съ нѣмцами, киршъ съ швейцарцами, медъ и вудку съ поляками.

Всѣмъ колонистамъ благотворили и всѣмъ свои симпатіи выражали.

Изъ иностранцевъ только одни чухны, кажется, и не устраивали вечера въ свою пользу, съ продажею въ кіоскахъ „сухонско свѣзе машло и ливки". Впрочемъ, они еще пріѣдутъ на гастроли во время масленицы.

Актерская колонія также устроила балъ-маскарадъ въ пользу своихъ нуждающихся собратій.

Въ зало Благородки собралось въ понедѣльникъ, 2 февраля, до 1.000 человѣкъ, пожелавшихъ потолкаться на міру и разгадать премированные ребусы. Продажа шампанскаго, цвѣтовъ и другихъ обычныхъ аксессуаровъ всякаго благотворительнаго вечера шла бойко, танцы не клеились, но вечеръ вообще прошелъ довольно мило и оживленно.

Шутъ.

У КУЗИНЫ НА БЛИНАХЪ.

— Отчего такъ, Маша,
Говоритъ мамаша,
Раскраснѣлась ты?
Машенька замялась:
— Такъ... я застоялась
Долго у плиты!
— Въ кухнѣ слишкомъ жарко,
Есть на то кухарка:
Здѣсь вы быть должны!
— Я, maman, лишь эти
Для кузена Пети
Напекла блины!
А кузенъ, при этомъ,
Думаетъ секретомъ:
Какъ она мила!
У меня изжога:
Маня слишкомъ много
Масла подлила!

Веселый меланхоликъ.

КОНФУЗЛИВАЯ.

Докторъ свидѣтельствуетъ Наталію Федоровну.

— Гм! у васъ, вѣроятно, желудокъ не въ порядкѣ, блиновъ покушали... Покажите-ка языкъ!

— Но... мнѣ, докторъ, право, совѣстно...

— Помилуйте, передо мною, какъ врачемъ, вамъ нечего совѣститься!

— Ну... ну, извольте!

И Наталія Федоровна высовываетъ микроскопическій кончикъ языка.

— Да позвольте, такъ я ничего не могу видѣть, вы должны высунуть весь языкъ!

— Ахъ, какъ же это, въ самомъ дѣлѣ... Ну, хорошо, я, пожалуй, высуну, только ужь вы отвернитесь!

МАДРИГАЛЪ.

(Посв. моей супругѣ).

Безъ угожденія смѣшного
Скажу я, правду лишь рубя,
Что самый злой языкъ дурного
Сказать не можетъ про тебя!

* *

Слова вполнѣ правдивы эти,
Вѣдь, потому ужь, ангелъ мой,
Что самый злой языкъ на свѣтѣ
Принадлежитъ тебѣ самой!

Баловникъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА ПЬЯНИЦЫ.

Какъ на меня подѣйствовала водка:
Первая рюмка — живительно.
Вторая — прохладительно.
Третья — освѣжительно.
Четвертая — успокоительно.
Пятая — умилительно!
Шестая — пользительно!!
Седьмая — *упоительно!!!*
Восьмая — *тошнительно!*

Чихъ.

НЕОЖИДАННЫЙ ПАССАЖЪ.

(Масленичное воспоминаніе).

Ты помнишь ли былое дѣло,
Какъ ты вдвоемъ со мной сидѣла,
Какъ мужъ ворвался исполинъ,
Какъ поблѣднѣлъ онъ какъ сметана,
При видѣ обнятаго стана,
Какъ сразу позабылъ свой сплинъ,
Какъ громко плюха прозвенѣла,
Ты словно семга покраснѣла,
Я на полъ шлепнулся, какъ блинъ?

Пузанчикъ.

ПОТОМУ!

Въ одинъ изъ дней сырной недѣли солдатамъ за обѣдомъ было назначено по четыре блина на человѣка.

Послѣ обѣда фельдфебель докладываетъ ротному командиру:

— Имѣю честь доложить вашему высокоблагородію, что въ ротѣ двухъ человѣкъ не хватаетъ!

— Это почему? встревожился ротный.

— Потому что восемь блиновъ лишнихъ, ваше высокоблагородіе!

ЗООЛОГИЧЕСКАЯ БЕСѢДА.

— Скажите, Лидія Павловна, какое, по вашему, самое вѣроломное животное на свѣтѣ?

— Конечно — корова!

— Почему вы такъ думаете?

— Потому что у коровъ всѣ мужья рогатые!!

Карръ.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Не надѣйся, красотка, на гордость свою,
Я совѣтъ тебѣ добрый, полезный даю,
Не надѣйся на силу ума!
Не язви ты любви молодыя мечты,
Опасайся: какъ пчелка сердитая, ты
Уязвишь и погибнешь сама!

Веселый меланхоликъ.

СТАТЬИ ХОРОШАГО АДВОКАТА.

Голова — у него должна быть набита трескучими идеями.

Языкъ — долженъ быть длиненъ и болтаться, какъ валдайскій колокольчикъ.

Руки — должны быть загребистыя, чтобы драть и съ праваго и съ виноватаго.

Голосъ — долженъ гудѣть, какъ валторна или разбитый контрабасъ.

Совѣсть — вовсе не нужна.

Глаза — должны или смѣяться или ревѣть, смотря за что взялъ деньги.

Карръ.

* * *

Умникъ.

Федоръ Ивановичъ уснулъ при свѣчкѣ, отъ которой затлѣлись занавѣски алькова. Проснувшись отъ удушливаго дыма, Федоръ Ивановичъ поспѣшилъ затушить ихъ.

— Вѣдь вотъ что значитъ находчивость и присутствіе духа: не будь здѣсь меня сейчасъ, я бы могъ задохнуться!

Осторожная подруга.

— Женя, одолжи мнѣ на часъ твоего жениха: я хочу старика моего разозлить!

— Ни за что!

— Почему же?

— Потому что до сихъ поръ, что бы я ни давала тебѣ на подержаніе, ты мнѣ все возвращала въ никуда не годномъ видѣ.

Въ пансіонѣ.

— Стыдитесь, m-lle Аленова, не знать этого склоненія: когда ваша сестра была у меня въ классѣ, она всегда получала пятерки.

— За то моя сестра и старше меня!

— Когда она была у меня, ей было столько же лѣтъ, сколько и вамъ. . . . . .

— Не правда: моя сестра всегда была старше меня!

Въ парикмахерской.

Подвыпившій купчикъ.—Здравствуйте, господинъ нѣмецъ! Въ маскарадъ я собрался, такъ желательно мнѣ фальшивые усы имѣть.

— Вамъ наклеить?

— Чего? я тебѣ, нѣмецкая харя, самъ такъ наклею, что будешь помнить Сеньку Разбѣгалова!

И у него есть.

— Я на праздникахъ случайно пріобрѣлъ двѣ прекрасныя гравюры на мѣди.

— А у меня послѣ праздниковъ только двѣ и остались.

— Это, то-есть, какъ же?

— Пятачокъ да три копѣйки!

Находчивость.

На Невскомъ проспектѣ кавалеръ догоняетъ хорошенькую дамочку.

— Сударыня! сударыня! Я вижу, вы однѣ... вамъ должно быть страшно... Позвольте васъ проводить?

— Увольте отъ непрошенныхъ услугъ. Откуда вы взяли, что мнѣ страшно? Напротивъ, я одна—ничего не боюсь!

— Ура!! угадалъ!! Я такъ и зналъ, что вы ничего не боитесь; за то я—страшный трусъ... Проводите, въ такомъ случаѣ, *вы* меня до дому!

ФРАКЪ.

„Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ!"

По моему мнѣнію, Грибоѣдовъ недостаточно негодующе выразился этими словами, ибо фракъ существуетъ не только наперекоръ стихіямъ, но и наперекоръ счастію всей моей жизни, и если я когда-нибудь встрѣчу негодяя, выдумавшаго эту дурацкую хламиду, то я сверну ему шею; въ этомъ вы можете быть увѣрены.

Я никогда не заказывалъ себѣ фрака, справедливо соображая, что вещь, за которую почти ничего не даютъ въ закладѣ, для меня не имѣетъ никакого смысла.

Итакъ, фрака у меня не было, но у меня была невѣста, хотя еще и не совсѣмъ оффиціальная. Описать ея неземную красоту перо мое (Leonhardt & C°, Birmingham № 86, по 50 коп. коробка), разумѣется, не въ состояніи, но объ ангельской добротѣ ея вы можете легко судить по слѣдующему случаю:

Когда я въ первый разъ нѣжными намеками открылъ ей шлюзы моего сердца, она такимъ райскимъ голосомъ сказала мнѣ: „поговорите съ папашей, только не сегодня, потому что онъ теперь выпивши", и при этомъ такъ выразительно пожала мнѣ руку, что я сразу очутился на седьмомъ небѣ; не будучи по природѣ безмѣрно разсѣяннымъ, я, однако, отъ непривычки такъ растерялся, что, уходя, страстно расцѣловалъ горничную Дуню, а ей, невѣстѣ, сунулъ въ руку рублевку. Вышедши на улицу, я опомнился и, полагая, что все для меня кончено, направился прямо къ Лиговкѣ, чтобы утопиться, но рѣка, на бѣду, была замерзши; понятно, я вернулся домой, чтобы придумать другой способъ самоубійства, и вдругъ—вообразите мою неописуемую радость!—ко мнѣ является горничная Дуня и приноситъ мнѣ забытыя перчатки и полное прощеніе моей невѣсты!

Ну, если это не ангелъ, по вашему, то вы ничего не понимаете въ неземныхъ созданіяхъ.

Однако перейдемъ отъ свѣта къ мраку и отъ ангела къ фраку.

О ТОМЪ, О СЕМЪ.—Рис. ГЕЛЬМСДОРФА.

Ядовитый вопросъ.

— Вы на много старше вашей сестрицы?
— На самые пустяки: она родилась 12-го октября, а я 26-го; значитъ, на двѣ недѣли.
— И на сколько лѣтъ?

Наши дѣти.

— Папа, я съ тобой на службу пойду.
— Ты еще маленькій дурачекъ и тебя туда не пустятъ.
— А развѣ надо *большимъ* быть?

Хорошій совѣтъ.

— Конечно, я знаю, что моя невѣста вѣтреница, кокетка, но я такъ влюбленъ въ нее, что женюсь очертя голову, зажмуря глаза.
— Посовѣтую тебѣ въ такомъ случаѣ не открывать ихъ и послѣ свадьбы.

Опять теща.

— Я слышалъ, что вы простудились, maman: вамъ бы надо принять 3 хинныхъ порошка.
— Что-о-о? *Трихинные порошки?!*. Спасибо, любезный зятекъ! Я знаю, что вы рады отправить меня на тотъ свѣтъ, но все же не думала, что вы способны меня отравить.

ИЗЪ МОРЯ ЖИТЕЙСКАГО.—Рис. В. ПОРФИРЬЕВА.

Въ гостяхъ хорошо...

— Маня, что же ты мнѣ къ завтраку котлетку-то не жаришь?
— Да ты развѣ забылъ, что ты къ тремъ часамъ званъ на обѣдъ къ Курицынымъ?
— Ахъ, да! Ну, въ такомъ случаѣ сжарь мнѣ двѣ котлетки!

У всякаго свой вкусъ.

— Съ чѣмъ ты, Соня, больше любишь кушать блины: съ семгой или съ икрою?
— Съ кавалерами!

Умная собака.

— Ахъ, чортъ ее дери, проклятую! я даю вашей собакѣ блинъ, а она, бестія, меня за икру схватила!
— Да, это очень умная собака: она знаетъ, что къ блинамъ требуется икра!

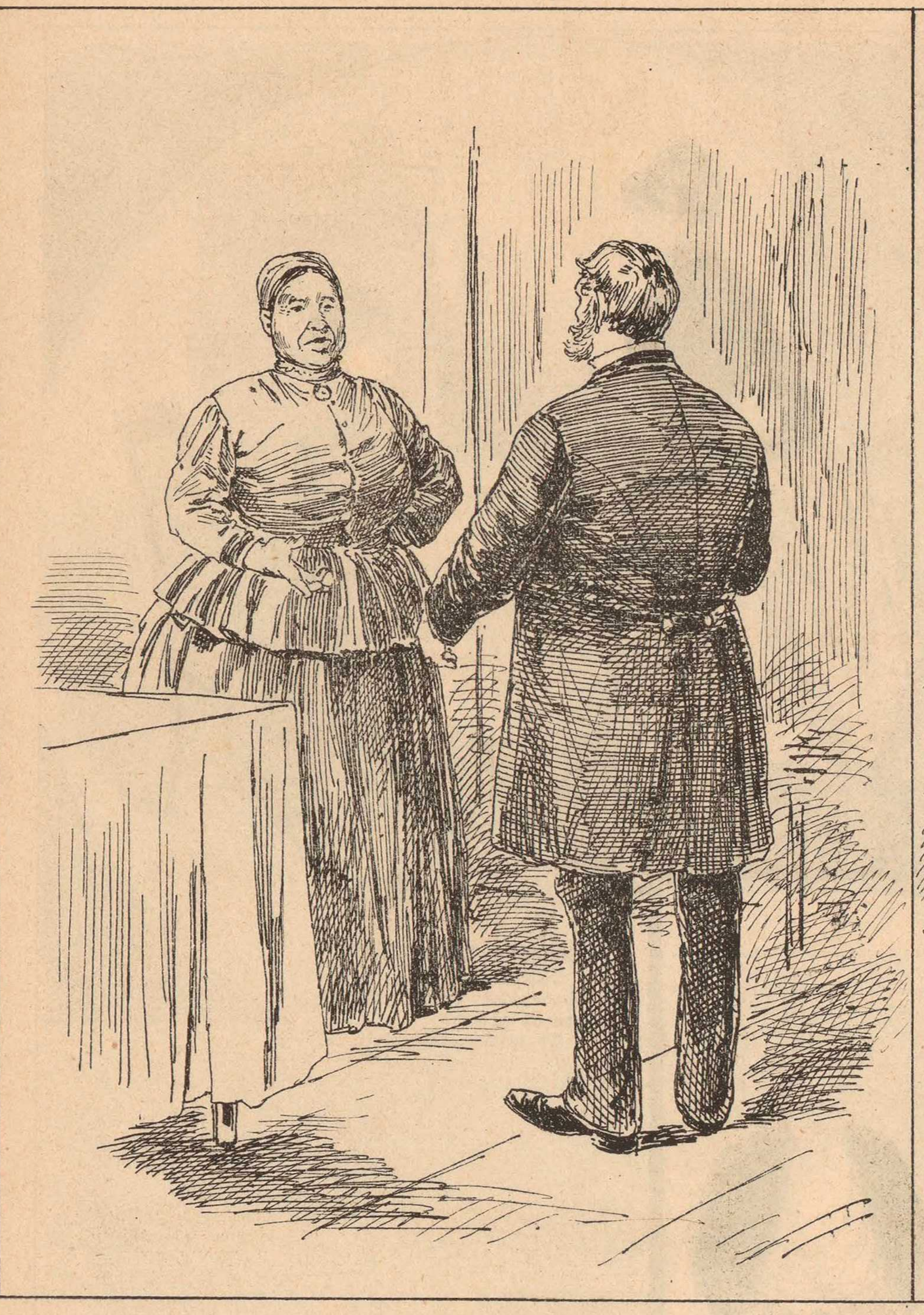
До отвалу.

Пьяный: — Могу сказать, досыта блинами наугощался: даже домой, вмѣсто шляпы, блинъ принесъ!

Не по времени.

— Былъ на блинахъ у Мошновыхъ?
— Былъ.
— Сдѣлалъ предложеніе Ольгѣ Аѳанасьевнѣ?
— Сдѣлалъ.
— Ну, что же: подцѣпилъ рыбку?
— Нѣтъ—грибъ съѣлъ!

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЖЕНА.

— Какъ, вы снова надбавляете на квартиру, когда надбавили передъ этимъ всего за два мѣсяца!

— Милостивый государь! Надбавляю не я, а мой мужъ, умершій десять дней тому назадъ. Онъ завѣщалъ мнѣ это передъ кончиной. Могу ли я не исполнить его послѣдней воли?

УДИВИТЕЛЬНАЯ МОЛОЖАВОСТЬ.

Судья.—Свидѣтельница, сколько вамъ лѣтъ?
— Двадцать четыре года.
— Вы вдова?
— Вдова.
— Гдѣ же вашъ вдовій видъ?
— Онъ погибъ въ Польшѣ во время возстанія въ 1862 году.

Наступала масленица, и въ одно счастливое или несчастливое утро я получилъ отъ „нея“, отъ моего ангела, записку такого содержанія:

„Въ четвергъ у насъ вечеръ съ блинами и танцами. Приходите пораньше; въ этотъ же вечеръ вы можете поговорить и съ папашей. Ждетъ васъ ваша М.“

Кто былъ счастливѣе меня? Никто!

Но вдругъ ужасная мысль хватила меня словно обухомъ по башкѣ:—А фракъ? вѣдь при оффиціальномъ объясненіи нельзя же быть въ неоффиціальномъ костюмѣ!

Фракъ! полгардероба за фракъ!

Наконецъ, накануне великаго дня я обрѣлъ фрачную пару у Сережи Нѣмчурова; но, Боже, какъ это было трудно! уперся человѣкъ, что ему самому нужно быть на этомъ вечерѣ, да и баста!

— Да чортушка! умолялъ я:—вѣдь тебѣ не предложеніе дѣлать! ты можешь быть въ сюртукѣ!

Наконецъ слезы мои тронули его каменное сердце.

— Ну, хорошо, вздохнулъ онъ:—я приношу тебѣ эту небывалую жертву, но тебѣ извѣстно, что фрачная пара у меня совершенно новая, а ты знаешь, какъ я дорожу своимъ платьемъ! смотри же!

— Да Господи! какъ зѣницу ока! ну, понимаешь...

Вечеромъ въ четвергъ я сіялъ самымъ невообразимымъ счастьемъ, увиваясь около своей невѣсты.

Начались танцы; мы стали въ пары.

— Божество мое! началъ я разговоръ:—если бы вы знали, какъ свѣтло у меня сегодня на душѣ!..

Въ это время Сережа шепнулъ мнѣ на ухо:

— Послушай, ты стоишь какъ разъ подъ люстрой! отодвинься къ сторонѣ, а то какъ бы фракъ стеариномъ не закапало!

Кое-какъ я нашелъ другое мѣсто.

— Какъ мы счастливы будемъ съ вами, дорогая моя! шепталъ я въ антрактѣ моему божеству:—я буду вамъ надежной опорой въ жизни!

Откуда ни возьмись—опять Сережа.

— Не прислоняйся, ради Бога, къ колоннѣ, шепчетъ онъ:—еще, чего добраго, она краситъ—фракъ испортить можетъ!

Я отопелъ. Станцовали вальсъ.

— Какъ мило мы будемъ коротать съ вами...

— Э... на минуточку! подскакиваетъ Сережа:—ты бы окоротилъ брюки, приподнялъ бы, а то они у тебя, кажется, волочатся—еще оттопчешь!

— О чемъ это вашъ другъ все шепчется съ вами? спрашиваетъ невѣста не безъ доли безпокойства.

— Да... просто спрашиваетъ совѣта, какъ держать себя... неопытенъ...

Я сталъ избѣгать пріятеля, но онъ, окаянный, всюду за мною, какъ нитка за иголкой.

— Нашъ жизненный путь съ вами будетъ одинъ веселый танецъ! шепчу я невѣстѣ.

— Ахъ, да! на два слова! выростаетъ передо мною мой мучитель.—Мазурку ты ни подъ какимъ видомъ не танцуй: вспотѣешь, пыль насядетъ на платье и въѣстся!

Я заскрежеталъ зубами, но, дѣлать нечего, отказался отъ мазурки во избѣжаніе скандала и сѣлъ съ невѣстой къ сторонкѣ; не прошло, однако, пяти минутъ—тьфу! опять онъ, діаволъ, манитъ меня пальцемъ.

— Ну, чего тебѣ еще?

— Помилуй, что ты дѣлаешь? сидишь, положивъ ногу на ногу: вѣдь этакъ брюки въ колѣнкахъ вытягиваются!

Пришлось принять невозможную позу съ протянутыми ногами:

Слава Богу—ужинъ поданъ!

Нужно ли говорить, что я сидѣлъ рядомъ съ нею, и что аргусъ—Сережка помѣстился противъ меня, вслѣдствіе чего я сидѣлъ почти неподвижно, боясь какой-нибудь выходки съ его стороны.

И все-таки прорвало!

Когда слуга подошелъ ко мнѣ съ громаднымъ соусникомъ топленаго масла, Сережка, забывшись, крикнулъ:

— Осторожнѣе! вѣдь вы можете пролить масло на мой фр... на моего друга!

— На кухнѣ масла много! хладнокровно отвѣтилъ слуга, что заставило поблѣднѣть моего визави.

Ну, вотъ мы и собрались глядѣть на малороссовъ. Очень хвалятъ!

Зеньковецкая, говорятъ, великолѣпна. Ну, и прочіе также хороши.

Вначалѣ скучновато.

Тссс! Интрига завязывается?..

По правдѣ говоря, очень драматично! Бѣдный паробокъ!

Ахъ, какъ трогательно!

Ужасно! Несчастная дѣвушка!..

Ги-ги-ги! О-хо-хо.... Ага-га-га!...

— Ахъ, мой другъ, какъ мы весело провели вечеръ! Надо еще посмотрѣть эту пьесу.
— Хоть завтра, душенька, если только останемся живы и здоровы.

Господи, когда же конецъ моей мукѣ?!

Наконецъ ужинъ оконченъ. Я поспѣшилъ отодвинуть свой и невѣстинъ стулъ въ укромный уголокъ и пустились мы съ нею, милой, мечтать на всѣ влюбленные лады. Казалось, и гости всѣ любовались нашимъ блаженствомъ: проходя мимо насъ, они посылали намъ улыбки, которыя очень конфузили моего кумира.

— Скоро, скоро мы будемъ съ вами неразрывны! заворковалъ я.

— Несчастный, что ты сдѣлалъ? раздался отчаянный голосъ надъ моимъ ухомъ, принадлежавшій все тому же Сережкѣ:—ты разорвалъ мои бр... мой фракъ!

— Ты врешь, дуракъ! вскочилъ я.

Боги! погибъ!

Оказалось, что я, по забывчивости, послѣ ужина положилъ салфетку на стулъ и теперь сидѣлъ на ней! она-то, бестія, и вызывала у всѣхъ улыбки, принявъ до невозможности странное положеніе.

Въ залѣ раздалось хихиканье, невѣста убѣжала...

. . . .

Съ тѣхъ поръ прошло не мало времени... Ее я больше никогда не видалъ... Говорятъ, она умерла въ концѣ своей жизни. Сережку я убилъ на дуэли, а самъ угодилъ за это въ Литовскій замокъ, гдѣ и написалъ этотъ правдивый разсказъ.

Carabus.

ФЕЯ.

Федоръ Федоровичъ Бѣгунинъ, чистокровный провинціалъ, пріѣхавъ въ Петербургъ по дѣламъ, рѣшилъ пожуировать передъ отъѣздомъ и отправился въ нѣмецкій клубъ на маскарадъ. Завязавъ знакомство съ маской, онъ превесело провелъ съ нею вечеръ, танцовалъ съ нею всѣ танцы, угощалъ ее ужиномъ, фруктами, виномъ, словомъ, принималъ всѣ мѣры, чтобы не ударить въ грязь лицомъ передъ столичной барышней и въ душѣ уже наслаждался завистью своихъ земляковъ, когда онъ имъ разскажетъ о своей побѣдѣ въ столицѣ.

— Въ кровь расцарапаются! мечталъ онъ:— шутка ли, я, Федоръ Бѣгунинъ, и вдругъ столичный левъ!

Когда пробило четыре часа, онъ рыцарски предложилъ своей дамѣ проводить ее до дому и былъ на седьмомъ небѣ, получивъ согласіе.

Когда они прощались у воротъ роскошнаго дома, Федоръ Федоровичъ осмѣлился нѣжно пожать ручку своей феѣ.

— Какъ вы счастливы! грустно сказалъ онъ:— вы можете завтра, или, скорѣе, сегодня нѣжиться въ постели по вашему желанію, а мнѣ, бѣдному, уже къ девяти часамъ нужно на поѣздъ! да мнѣ и не уснуть теперь: я все буду думать о васъ!

— Ну, мнѣ тоже не больно-то спать придется, отвѣтила—фея: мнѣ къ восьми часамъ нашимъ паршивымъ чертенятамъ уже семь паръ сапогъ вычистить надоть!

Федоръ Федоровичъ, говорятъ, дома не хвасталъ своею побѣдою и въ слѣдующіе его пріѣзды въ столицу никто его въ нѣмецкомъ клубѣ не встрѣчалъ.

ЛЕГКІЙ СУПЪ.

Врачъ.—Однако, твоему мужу сегодня гораздо хуже! Что же ты ему ѣсть давала?

— Да куриный супъ, батюшка, какъ ты велѣть изволилъ!

— Гм, странно!.. Какъ же ты его приготовила?

— Да обыкновенно какъ: овса засыпала, мучки подбавила, а потомъ ошпарила кипяткомъ; мы для нашихъ куръ всегда такой супъ дѣлаемъ!

ПОЧТА «ШУТА».

Петербургъ.

Г. ротмистру А. Л—чу, Кирочная ул.

По вашей стремительности сейчасъ видно, что вы военная косточка: послали намъ рядъ виршей-калѣкъ на темы временъ очаковскихъ и просите немедленно отвѣтить вамъ по телефону, хотя бы даже ночью! Вотъ не было печали—ротмистры накачали! Пошлите вашу стряпню въ тотъ журналъ, о которомъ вы упоминаете, если вамъ нашего отзыва мало.

Г. А. П—му, Сергіевская ул.

Ваша карикатура на барона Вревскаго,—по которой вода его №1/1000 помогаетъ отъ всякихъ умопомраченій,—такъ умна, что мы посовѣтовали бы вамъ самимъ осушить бутылочку - другую водицы за этимъ №.

Г. С. К—ву, Литейный пр.

Вамъ и всѣмъ, вамъ подобнымъ докучливымъ, безграмотнымъ піитамъ, отвѣчаемъ двумя вашими строчками, прибавивъ къ нимъ двѣ своихъ:

«Какъ хотите вы ребята
По своему поитѣ»,
Только—наше мѣсто свято!—
Насъ не безпокойте!

Г. Н. М—ну, уголъ Екатеринг. и Возн. пр.

«Шутъ»—органъ веселаго смѣха, а вы хватили совсѣмъ изъ другой оперы.

Г. А. I. П—скому, 1-я рота Измайловск. полка.

Ваше «письмо къ швеѣ» написано такъ красно, что мы за васъ покраснѣли. Оставайтесь писаремъ и не тужьтесь лѣзть въ писатели: лопнете.

Г. И. К—нину, Вас. Остр., 9-я лин.

Ни вашъ «незримый день», ни «грезы», которыя васъ «кружили», ни вѣсъ вашихъ «тяжелыхъ» слезъ, ни даже судьба, которою «разрѣшилась» ваша невѣста—насъ не тронули, хотя мы и убѣдились, что сами вы тронувшись не на шутку.

Г. В. Грибову (псевд.), Пушкинская ул.

Много нужно наивности для того чтобы прислать намъ восемь страницъ убого-безсодержательнаго текста, притомъ *не оконченнаго*, приписать въ концѣ восьмой страницы: «*продолженіе будетъ*», расчеркнуться,—и уповать, что мы напечатаемъ это пустозвонство! Вотъ и весь нашъ отвѣтъ; «продолженія не будетъ».

Москва.

Г. С. Ю—чу, Ильинка.

Если описываемый вами умирающій отецъ давалъ свои наставленія сыну въ такой же стихотворной формѣ, въ какой вы ихъ передали намъ, то сыну врядъ ли пришлось примѣнить ихъ въ жизни, ибо мы увѣрены, что

«Отъ тоски, не дождавшись конца,
Бѣдный сынъ умеръ раньше отца».

Провинція.

Г. Тошъ, г. Суджа, Курск. губ.

Ваше «абстрактное» стихотвореніе — экстрактная безсмыслица.

Г. Н. С—му, Орелъ.

«Передъ людьми ношусь (?) я гордо,
Я не кривлю душой кривой (??)
Ни съ кѣмъ не совершалъ акорда»...

Городовой! городовой!

Г. В. В—ову, Кинешма.

Вы списали стишки изъ русскаго же юмористическаго журнала и посылаете ихъ въ «Шутъ», при чемъ любезно доводите до нашего свѣдѣнія, что это вашъ «первый опытъ» и что вы еще молоды. Что жъ? продолжая итти по этой дорожкѣ, вы со временемъ можете стать и опытнымъ литературнымъ мазурикомъ.

Г-жѣ Б. З—ной, Варшава.

«Знакомъ ли вамъ тотъ нѣжный уголокъ,
Гдѣ струйки такъ дымятся прихотливо» (?).

Нѣтъ, сударыня, незнакомъ, и если въ этомъ «нѣжномъ» уголкѣ вы обитаете съ вашей «шушукающей» музой, какъ вы увѣряете, то не дай Богъ съ ними и знакомиться.

Редакторъ-Издатель В. Я. Эренпрейсъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 6 Февраля 1887 года. Типо-литографія Р. Голике, Троицкій пер., д. № 18—20.